

Архипелаг свободных людей

кандидат биологических наук П.В.Квартальнов

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Москва, Россия)

e-mail: urosphena@gmail.com

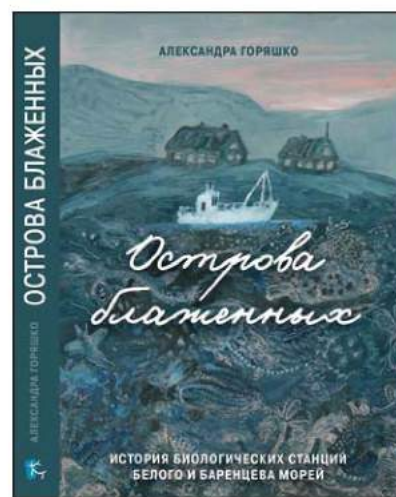
Не все ли равно, где ни жить? Везде есть люди, немножко проще, немножко сложнее. Но тут свободнее, тут море и эти красивые серебряные звери.

М.М.Пришвин

Книга Александры Горяшко «Острова блаженных» посвящена истории российских биологических станций, расположенных на берегах Белого и Баренцева морей, от основания до современности. Это не первое издание на такую тему. Несколько лет назад в мою библиотеку попала небольшая, но чрезвычайно насыщенная материалами книга С.И.Фокина с соавторами «Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938)» [1]. Она основана не только на старых публикациях, но и на архивных данных, проиллюстрирована уникальными фотографиями и дает описание шести биостанций: Соловецкой биологической станции Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (она же Биологическая станция Соловецкой обители), Мурманской биологической станции Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (которая в заключительный период существования превратилась в самостоятельное учреждение), Временной биологической станции Императорского Юрьевского и (позднее) Воронежского государственного университетов в Ковде (Биологическая станция К.К.Сент-Илера), Беломорской методической станции Государственного гидрологического института, Научно-промышленной станции Института по изучению Севера в губе Порччиха и продолжавшей работу и после 1938 г. Мурманской биологической станции в Дальних Зеленцах.

С организацией науки на Севере я познакомился в 1997 г. на Беломорской биологической станции имени Н.А.Перцова биологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (ББС МГУ), куда последние годы езжу каждое лето, организуя зоологические экскурсии для студентов. История научных поселений на берегах северных морей меня близко интересовала, и книгу Александры Горяшко я ждал с нетерпением со времени, когда узнал о ее подготовке.

В «Островах блаженных» описано 14 научных и учебных центров. Из существовавших до 1938 г. автор не упоминает о станции в губе Порччиха, поскольку по ней не удалось собрать оригинальные материалы, да и описание Фокина с коллегами оказалось исчерпывающим [1]. Однако книга включает рассказ о Биологической станции Соловецкого общества краеведения, основанной заключенными Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОИ). Кроме того, подробно описаны появившиеся позднее ББС МГУ, Гридинская биологическая станция Карело-Финского государственного универси-

Горяшко А. Острова блаженных: История биологических станций Белого и Баренцева морей.

М.: Паулсен, 2022. 432 с.

тета, Беломорская биологическая станция «Картеш» Зоологического института РАН, Морская биологическая станция Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета (она же Учебно-научная база «Беломорская»), Беломорская биологическая станция Казанского государственного/федерального университета, базы кафедры гидробиологии биологического факультета МГУ «Лапутия» и «Нильма» (объединенных личностью основателя и директора В.Д.Федорова и организационно представлявших единое целое), основанная И.В.Бурковским база биологических исследований в деревне Черная Река (не оформленная официально) и Летняя биологическая станция «Наш Дом» биокласса школы №179 (ранее — школ №57 и №520).

Сравнивая свой труд с вышедшей ранее книгой Фокина [1], Горяшко пишет: «Из-за небольшого тиража и довольно строгого академического стиля изложения книга эта почти не вышла за пределы профессионального сообщества. <...> [Наша] книга и содержательно, и стилистически рассчитана на более массового читателя. Тематические и временные рамки существенно расширены». Такая характеристика справедлива лишь отчасти. Несмотря на некоторые недостатки издания (неудовлетворительная корректорская правка), первая книга о биостанциях написана достаточно живым языком и в избытке содержит далеко не академические подробности, сообщая немало любопытных штрихов к портретам людей, ставших героями и книги Горяшко. Обе книги удачно дополняют одна другую, порою давая возможность посмотреть под разным углом на одни и те же события. В части иллюстративного материала они почти не повторяются. В этих изданиях есть некоторые фактические расхождения, но они незначительны и обусловлены, видимо, возможностью двоякой трактовки архивных свидетельств. В любом случае, ценность книги Горяшко во все не в более популярном стиле изложения (тем более, что значительная часть относительно небольшого тиража и этой книги была уже по предзаказу раскуплена профессиональными биологами). Если Фокин с соавторами [1] опираются почти исклю-

чительно на печатные источники и архивные материалы (прилагая все усилия к их розыску), то Горяшко везде, где возможно, старается найти не только рукописи и фотографии, упущенные предшественниками, но и живых свидетелей описываемых событий. Понятно, что устные рассказы о событиях минувших дней во многом неточны, и автор местами указывает на это. Однако непосредственные впечатления для нее оказываются важнее: благодаря людям, поведавшим Александре свои истории, и далекие по времени события по берегам северных морей оказываются близкими читателю, он становится слушателем рассказа из первых рук.

По понятным причинам Горяшко не удалось найти живых свидетелей работы «Биостанции Соловецкой обители» и заменившей ее биологической базы Соловецкого лагеря, но в книгу включены воспоминания Н.А.Вержбицкой, приезжавшей на Мурманскую станцию в Александровской гавани (на день записи интервью Вержбицкой было 99 лет). О работе станции в Умбе сохранилось столь мало архивных свидетельств, что Александра, как, впрочем, и Фокин с соавторами [1], вынуждена была опираться на свидетельства О.М.Ивановой-Казас. Записаны они самой Горяшко и опубликованы на ее сайте «Литторины на литорали» (www.littorina.info). Расшифровки всех интервью, а также многие архивные и редкие печатные материалы заинтересо-

Эвакуация студентов и сотрудников учебной биостанции Юрьевского университета из Ковды, пешком в сторону Финляндии, после начала войны. Лето 1914 г. Последним идет К.К.Сент-Илер. Фото из альбома участницы поездки И.Н.Лашкевич (из архива И.И.Козловского).

Фотографии предоставлены Александрой Горяшко

В подписях к ним использована информация с сайта «Литторины на литорали»

Инициатор создания биостанции при Соловецком лагере особого назначения А.А.Захваткин (в центре) в экспедиции после освобождения из лагеря. 1930 г. Из архива Байкальского музея Иркутского научного центра.

ванный читатель может отыскать на этом сайте самостоятельно. В книге же приведены лишь выдержки из них. Многие люди, с которыми удалось пообщаться Горяшко, на момент выхода книги ушли из жизни, поэтому их рассказы неповторимы. Это самое ценное в работе над книгой, которая длилась больше 20 лет.

В любом из взятых Горяшко интервью можно найти признание в любви к Белому морю. Вот впечатление о первой поездке московского биолога и педагога, создателя учебной биостанции в Ковде Г.А.Соколовой: «Я поняла: чтобы растить биологов, их необходимо вывозить на Белое море. Когда на биофаке у нас была практика по беспозвоночным, и надо было лезть в формалин, в этот кисель из медуз, это было достаточно противно. А когда мы поехали на Белое море, и я увидела, как навстречу мне из воды выплывают медузы стадами... Боже мой, это так прекрасно! Я схватила Догеля, и за неделю выучила то, что когда-то учила год и знала очень плохо. Тут это стало интересно!». Однако это естественное противопоставление счастья при прикосновении к беломорской свободе и к живым подводным обитателям унынию душевных аудиторий не умоляет важность предвари-

тельной подготовки. Те, кто ее не имел или не успел осознать, прочувствовать уникальность живых существ и их организации, от тех же мест могли вынести совершенно иные впечатления. «Когда на веслах сидят студенты и гребут со скучающими лицами, с видом угнетенных жертв, мне становится как-то неловко и досадно... <...> У меня лично, если уловы неудачны, появляется какая-то жажда все новых и новых исследований, для того чтобы добиться желаемых результатов. У нашей же молодежи за немногими исключениями не замечал увлечения работой, интереса к получаемым результатам, стремления к раскрытию неизвестного», — так писал К.К.Сент-Илер [2], привозивший школьников и студентов в Ковду задолго до Соколовой. Конечно, и Сент-Илер, и Соколова рассчитывали, что даже те, кто не проявлял к работам на море живого интереса, будут с благодарностью вспоминать эти экскурсии, если, вернувшись в город, продолжат заниматься биологией и останутся в науке. Но одной любви к природе, возможности восхищаться медузами, выплывающими из глубины, недостаточно, чтобы организовывать содержательные учебные занятия для будущих биологов, тем более — чтобы проводить научные иссле-

дования. Возникла необходимость в устройстве в диких труднодоступных местах постоянных, должным образом оснащенных учебных и научных баз.

Здесь Горяшко дает слово зоологу XIX в. В.А.Фаясеку: «В старину... натуралист, пристрастившись к морской фауне... улучшал первое свободное время и первые свободные деньги, чтобы, захватив с собою лупу и микроскоп, скальпели и пинцеты, сетки и стеклянные банки, провести лето где-нибудь на берегу моря. <...> Такие занятия заключали в себе, конечно, много неудобств. Натуралисту приходилось встречать почти неодолимые препятствия для успешного хода научных исследований. <...> Теперь зоолог, если он анатом и эмбриолог, не может приехать в любое местечко на берегу моря, расположиться в гостинице или наемной квартире, расставить посуду, вынуть свой микроскоп и работать. Ему трудно обойтись без лаборатории, где у него были бы постоянно под рукой все приспособления и все вещества, необходимые для сложных манипуляций микроскопического исследования организмов» [3]. Задачи создания постоянных, хорошо оборудованных, имеющих собственный флот и свой штат работников биостанций с тех пор не потеряли актуальности. Наибольшее развитие их на Белом и Баренцевом морях, как пишет Горяшко, было обусловлено как богатством фауны этих морей, так и сравнительной близостью к крупным научным центрам в Санкт-Петербурге и в Москве. В то же время, читая очерки, убеждаешься в том, что резких различий между экспедиционными наездами и бытованием биостанций нет. Почти каждая биостанция начиналась с арендованных изб или наспех построенных временных, где проводились сезонные работы с использованием немудреного оборудования. Затем быт налаживался, однако работа оставалась сезонной (с консервацией биостанции на зиму), и лишь немногие северные биостанции достигли такого уровня, что могут функционировать круглогодично, имея достаточный штат сотрудников, обеспечивая всех приезжающих комфортными условиями для проживания и работы. Существование таких «примитивных» биостанций, как «Лапутия» и база в деревне Черная Река, стало возможным благодаря значительному развитию с XIX в. технологий, ныне позволяющих проводить тонкие биологические исследования в условиях, приближенных к «полевым».

Биостанции, как и другие поселения, основанные людьми, объединенными общей идеей, это, конечно, не только оборудование, флот, биологические исследования. Это общий азарт, стремление

До создания собственной биостанции сотрудники МГУ имени М.В.Ломоносова проводили исследования на судах Пловморнина / ГОИНа. Работа на судне «Персей». Конец 1920-х годов. Справа — гидробиолог Т.Ф.Дементьева (фото из семейного архива).

делать научную работу днями и ночами, состояние, в котором пребывают герои книги братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», с которой сравнивает жизнь биостанции в Дальних Зеленцах один из тех, кто работал там в период ее расцвета. Но не случайно Горяшко сравнивает биостанции и с монастырями. Мне в юности довелось прожить некоторое время в Святогорском монас-

Работа с лодки с драгой («гиппопотамье вымя») на Беломорской методической станции Государственного гидрологического института в пос.Умба. Ольга Казас (с драгой), Алексей Кнорре и Варвара Цвеленёва. 1935 г. Рисунок О.М.Ивановой-Казас (из семейного архива).

тыре под Псковом. И я помню, что наряду со светлыми сторонами послушнической жизни есть и темные, обычно скрытые от посторонних глаз. По рассказам послушников, монахи сбегают из обители или бывают изгнаны, сходят с ума из-за невозможности покинуть монастырь. Когда много лет спустя я начал работать в Российско-Вьетнамском тропическом центре, многие перипетии жизни его сотрудников (включая мою собственную) оказались мне знакомы: отношения там развивались по тем же схемам, что и в святой обители. Все, кто следит за рассказами Александры Горяшко в социальных сетях, знают о ее непростых отношениях с Кандалакшским заповедником, завершившихся официальным «отлучением». И хотя Горяшко, рассказывая о биостанциях, старается подчеркивать светлые стороны их жизни, подробностей вполне достаточно, чтобы понять, что и там все нередко происходит как в любом замкнутом коллективе, долгое время живущем по своему «уставу». Сравнение с книгой Фокина и соавторов [1] показывает, что Горяшко не сгущает краски, но, напротив, избавляет читателя от многих деталей личных конфликтов.

Несмотря на мягкость изложения, Горяшко беспрепятственно позволяет нам наблюдать за людьми, благодаря которым уже третий век существуют биостанции на Белом море, если пользоваться языком этологов — за моделями их поведения. «Зачем профессору пилить дрова?» — называется один из разделов книги. Вот Галина Анатольевна Соколова в восемь утра варит кофе, «и каждый, будь он взрослый или школьник, может прийти к ней этот кофе пить, и постепенно в маленькую ее комнатку набивается до 20 человек». Интересно, осознавали ли школьники статусность этого мероприятия? А те студенты и аспиранты, на ораву которых готовил еду Игорь Васильевич Бурковский, на своей «частной» биостанции в Черной Реке? В поездках со студентами я непременно готовлю на всех завтрак, а нередко и остальную еду, но каждый раз вспоминаю поддержание иерархии у социальных птиц, например усатых синиц (*Panurus biarmicus*), за которыми я наблюдал в плавнях Приазовья. Там самец-доминант не только оттесняет от гнезда самца-сателлита, не позволяя ему заниматься инкубацией кладки, но и регулярно перебирает ему перышки на голове, недвусмысленно намекая, кто тут главный. Конечно, в человеческом обществе можно поддерживать авторитет и другими методами, но не случайно наиболее успешными руководителями биостанций оказывались те, кто, как Николай Андреевич Перцов, непременно «сам стремился

сесть за руль трактора», или, как Вадим Дмитриевич Федоров, готовил на большую компанию сотрудников и гостей «харчо и плов из двух специально накануне забиваемых баранов». Перцов пошел дальше, инициировав привлечение на ББС МГУ стройотрядов, хоть и состоявших в основном из студентов университета, но находившихся исключительно в его личном подчинении, т.е. вне основной, служебной иерархии. Опираясь на слова бывшего главного инженера биостанции А.А.Георгиева, Горяшко, намеренно ломая установившуюся традицию, пишет о том, что роль стройотрядовцев и других волонтеров в развитии и поддержании ББС была сильно преувеличена, а интересы волонтеров оказывались нередко выше интересов научных сотрудников, что неоднократно приводило к конфликтам. Неоспоримый примат науки на ББС был восстановлен только при Александре Борисовиче Цетлине: раздел о нынешнем директоре биостанции и его сподвижниках назван Горяшко «Великие перемены».

Собирая свидетельства о неоднозначных решениях Перцова (не все вошло в книгу, но опубликовано на сайте «Литторины на литорали»), Горяшко не замечает схожую ситуацию, относящуюся к более далеким временам. То же стремление сохранить жесткую иерархию, нежелание делиться властью, видимо, лежит в основе решения иеромонаха Иоанникия о закрытии Соловецкой биологической станции в 1899 г. — решения, внятной причины которому Горяшко не находит. Пока станция полностью зависела от монастыря и сотрудники признавали это, положение дел полностью устраивало настоятеля. Как только станция начала движение к своей относительной автономности и стала получать устойчивое финансирование, в монастыре почувствовали угрозу двоевластия — на землях, коими монастырь привык распоряжаться безраздельно. Реакция последовала незамедлительно, вызвав удивление научных сотрудников, искренне желавших как можно менее обременять своими заботами монастырь. И вполне закономерно, что спустя несколько лет после закрытия станции один из ее работников, снова приехав на Соловки для сезонных исследований, получил там самый радушный прием, будто и не было отосланного в Синод навета на ученых, послужившего поводом к ликвидации станции. Изгнание с ББС студентов Казанского университета или московских школьников во времена Перцова, судя по описанию, происходило весьма похожим образом, хотя и без доносов в вышестоящие инстанции.

В действиях некоторых личностей, упомянутых Горяшко, казалось бы, отсутствует забота о собст-

венном статусе, при возложенных на себя с трудом посильных обязанностях. Таким в книге выступает зоолог Герман Августович Клюге, сумевший отстоять Мурманскую станцию в годы Первой мировой войны, несмотря на личные беды (он был арестован как «германский шпион», а его мать тогда же погибла в тюрьме). Он неутомимо поддерживал станцию и при Советской власти, до последнего дня существования. Между тем, обращение к книге Фокина с соавторами [1] дает несколько другую картину, описывая, например долгий конфликт Клюге и инициатора многих исследований на Белом и Баренцевом морях Константина Михайловича Дерюгина — обе стороны занимали непримиримые позиции (например, в вопросе выведения станции из подчинения Ленинградскому обществу естествоиспытателей). Решение Клюге, рассматривавшего Научно-промысловую станцию Института по изучению Севера в губе Порчниха как конкурента в деле решения проблем промыслового рыболовства, решило судьбу этой станции, закрытой по прошествии всего трех лет после основания. То же решение Клюге, рассчитывавшего на увеличение финансирования, возможно, подготовило разгром Мурманской станции, дав повод обвинить ученых в невыполнении обязательств и во вредительстве. Вспоминая именно эту историю, руководители ряда биологических станций на Белом море долгие годы предпочитали отказываться от стабильного финансирования, только бы не брать на себя ответственность за решение важных народнохозяйственных вопросов. Эта страница жизни биостанций оказалась в книге Горяшко не раскрытой, что нельзя поставить в вину: в популярной книге невозможно осветить все аспекты, о чем автор честно предупреждает во вступлении.

Замечу, что книга Горяшко из-за широкого временного охвата допускает самые неожиданные параллели. Вот Николай Петрович Вагнер, создатель Соловецкой биостанции — первой на Севере, талантливый зоолог, умевший чувствовать прорывные области в своей науке, известный писатель, успешный организатор научных работ, но и последователь спиритизма, «не самая ординарная, а отчасти даже скандальная личность». А вот Вадим Дмитриевич Федоров, создатель собственной биостанции «Лапутии», про которого можно повторить все те же слова, за исключением приверженности к вызыванию духов (но этот пункт вполне заменяет членство в Российской академии естественных наук, в которой отмечены и адепты оккультных учений). Несмотря на неоднозначность, обе фигуры явно симпатичны Александре, и понятно, почему: преданность делу изучения биоты Белого моря, со-

здания условий для коллективной научной работы на его берегах, все перевешивает. Но у «обаятельного до чертиков» Федорова есть и еще одно достоинство, вызывающее симпатию автора: будучи изгнан с биостанций Московского и Ленинградского университетов, он не теряет духа и основывает не один, а даже два стационара: на Кузокотском полуострове («Лапутия») и в деревне Нильмогуба. Так же поступает и Г.А.Соколова, подобным же образом действуют и К.К.Сент-Илер, и И.В.Бурковский, и выселенные с Соловков петербургские зоологи... Изгнание с биостанции где-нибудь в тропиках надолго закрывает исследователю возможность многолетних исследований в этом регионе, но Север будто бы всегда готов дать второй шанс людям, влюбленным в него и в науку. Пронзительная история биостанции Соловецкого лагеря особого назначения тоже про второй шанс — про уникальную возможность, занимаясь наукой, оставаться духовно свободными людьми в условиях заключения, которую получили некоторые узники Соловецких островов, порою обреченные на неизбежную гибель. Север оправдывает свою давнюю славу края свободных людей.

Особенность книг Александры Горяшко — оформление их не только архивными фотографиями, многие из которых публикуются впервые, но и оригинальными рисунками. В книге «Дикая птица и культурный человек» [4] оформление доверено художнику Марии Сергуниной, чьи работы по стилю напоминают линогравюры. В книге о биостанциях Горяшко сотрудничает с Варварой Яценко — зоологом, иллюстратором, выпускницей СПбГУ, проходившей практику на острове Средний в Белом море и несколько лет преподававшей там же. Особенно удачна обложка, сразу дающая представление о содержании книги: северные сопки, на их фоне — приспособленные для научных работ избы на берегу, исследовательское судно, а под килем — море, манящее, буквально набитое самыми причудливыми обитателями. Окна домов горят гостеприимным светом. Заставки и концовки разных глав несколько различны по стилю, что, вероятно, отражает некоторые трудности в подготовке издания, но и позволяет следить за творческими поисками, пусть так и не законченными: за рисунками поселков и отдельных строений биостанций, узнаваемыми портретами морских животных, выполненными эскизно, широкими мазками, следуют уже более тонко прорисованные. Любопытно «Родословное древо» северных биостанций, стилизованное не только под традиционное представление филогении живых организмов, но и под литораль, где станции показаны в виде камней с прикреплен-

ными к ним водорослями, с отливом они выходят из глубины веков в современность. Качество печати фотографий в целом хорошее, однако при сравнении с другими изданиями, где некоторые из них публиковались, проигрывает им, в чем, видимо, есть вина издательства.

В книге Александры Горяшко встречаются ошибки, но они крайне немногочисленны и произошли скорее по вине авторов воспоминаний, которые она цитирует. Например, материалы для постройки Мурманской биологической станции в 1899 г. нужно было везти, конечно, не из «Ленинграда», как в приведенной Горяшко цитате пишет Ключе, а из Санкт-Петербурга. Одну ошибку хотелось бы разъяснить подробнее. Александра цитирует рассказ Фаусека о парнях-«богомольцах», помогавших ученым из Санкт-Петербурга собирать животных у побережья Соловков: «наиболее развитой и толковый малый, Спиридон... живо запоминал слышанные зоологические названия, и потом охотно щеголял ими: “вон, вон эшольца плывет”» [3]. В примечании Горяшко расшифровывает это название как «*Escholtzia*» и утверждает, что Фаусек описывает гребневика *Pleurobrachia*, хотя «на самом деле название эшольца носит другое беспозвоночное — полихета, многощетинковый червь из семейства Tomopteridae, который в Белом море не водится». Там же автор замечает: «Почему у опытного зоолога возникла такая путаница с названиями — остается только гадать». Путаница с названиями, однако, возникла у самой Горяшко: Фаусек имел в виду гребневика *Eschscholtzia borealis*, описанного Н.П. Вагнером в 1885 г. Данное им описание оказалось недостаточно подробным, посему это название и не встречается в современном научном обиходе даже в списке синонимов. Можно только быть уверенными, что это не *Pleurobrachia*: Вагнер хорошо знал ее и упоминал наряду с «эшольцей», хотя ошибочно считал принадлежащей к не описанному ра-

нее виду [5]. По убеждению немецкого зоолога Фрица Рёмера [6], Вагнер называл «эшольцей» встречающегося в Белом море гребневика *Mertensia ovum*. Путаница с латинскими названиями, в паутину которой попала Горяшко, возникла из-за вариативного написания имени российского естествоиспытателя и путешественника Иоганна Фридриха Густава фон Эшшольца: в его честь, в частности, названы калифорнийский мак *Eschscholzia*, гребневик *Eschscholtzia* и многощетинковый червь *Escholtzia*.

Из технических замечаний к книге нужно указать на неудачный выбор формата цитирования литературы, когда год выхода в свет каждой книги и статьи упоминается два раза (а порою и три, когда он заменяет также номер тома периодического издания). В некоторых случаях одно из указаний на год случайно пропущено, и читатель может убедиться, что информация при этом не теряется. В списке аббревиатур, использованных в тексте, перечислены многие, уже раскрытые на страницах книги, однако пропущены некоторые сокращения, обозначающие архивы, откуда Горяшко позаимствовала цитируемые материалы, так что читателю остается гадать или сверяться с другими источниками, что такое, например, ГАМО (вероятно, Государственный архив Мурманской области, хотя допустимы и другие варианты расшифровки). Этих недостатков лишена одна из предыдущих книг, изданная в авторской редакции [4], поэтому приходится оставить их на совести редактора издательства.

В последнее время в нашей стране все чаще формально отмечают «дни российской науки», «годы» и даже «десятилетия», будто нарочно обращая внимание на ее неизбывные проблемы. Но написанная Александрой Горяшко книга по истории российской науки на примере северных биостанций — то, чем безоговорочно можно гордиться. Хочется надеяться, что она действительно дойдет до самого широкого читателя, как задумывал автор. ■

Литература / References

1. Фокін С.И., Смирнов А.В., Лайус Ю.А. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М., 2006. [Fokin S.I., Smirnov A.V., Lajus J.A. Marine Biological Stations at the Russian North (1881–1938). Moscow, 2006. (In Russ.).]
2. Сент-Илер К. Отчет об экскурсии студентов Юрьевского Университета на Белое море в 1913 году. Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1914; 3: 1–59. [Saint-Hilare K. Report on the excursion of students from University of Yuryev to the White Sea in 1913 year. Acta et Commentationes Imp. Universitatis Jurievensis (Olim Dorpatensis). 1914; 3: 1–59. (In Russ.).]
3. Фаусек В. На Зоологической станции. Из поездки на Белое море. Вестник Европы. 1889; 5: 305–332. [Fausek V. On the Zoological station. From the journey to the White Sea. Vestnik Evropy. 1889; 5: 305–332. (In Russ.).]
4. Горяшко А., Кондратьев А. Дикая птица и культурный человек. Гага обыкновенная и человек разумный: четырнадцать веков взаимоотношений. СПб., 2020. [Goryashko A., Kondratyev A. Wild Bird and a Cultured Man. The Common Eider and *Homo Sapiens*: Fourteen Centuries Together. Saint-Petersburg, 2020.]
5. Wagner N. Die Wirbellosen des Weissen Meeres. B.I. Leipzig, 1885.
6. Römer F. Die Ctenophoren. Fauna Arctica. B.III. Jena, 1904: 74.